

ACTA UNIVERSITATIS LODZIENSIS
FOLIA LITTERARIA ROSSICA, 2015

Wasilij Szczukin

Uniwersytet Jagielloński
Wydział Filologiczny
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
Katedra Średniowiecznej i Nowożytnej Literatury Rosyjskiej
30–059 Kraków
ul. Władysława Reymonta 4

**Ночной посетитель, или о том,
как Пушкин спародировал Шекспира**

Задача автора статьи заключалась в том, чтобы осуществить интертекстуальный «палимпсестный» анализ поэмы Александра Пушкина *Граф Нулин* с целью выявления происхождения основных мотивов этого произведения. Последние восходят к *Истории Рима* со дня его основания Тита Ливия, а также к поэме Шекспира *Лукреция* (1594). Анализ показывает, что Пушкин создал пародию шекспировской поэмы, существенным образом изменив экзистенциальную трактовку образов Лукреции и Тарквиния.

Ключевые слова: Тит Ливий, Шекспир, Пушкин, пародия, интертекстуальный анализ.

The Night Visitor, or How Pushkin Parodied Shakespeare

The paper discusses the poem *Count Null* by Alexander Pushkin in an intertextual perspective. A comparison is made with texts which served Pushkin as sources – Titus Livy's *History of Rome* and Shakespeare's poem *The Rape of Lucrece* (1594). The author emphasizes original and innovative features of Pushkin's parody of the English poet.

Keywords: Titus Livy, Shakespeare, Pushkin, parody, intertextual analyze.

В 1830 году Александр Пушкин написал следующие строки:

В конце 1825 года находился я в деревне. Перечитывая *Лукрецию*, довольно слабую поэму Шекспира, я подумал: что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчивость, и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те.

Итак, республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарем мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде.

Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась, я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть.

Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. *Граф Нулин* писан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения¹.

В Новоржевском уезде, если верить «рассказам современников» и комментатору поэмы *Граф Нулин*, Алексей Вульф «ухаживал за одной поповной», и однажды ночью с ним случилось, как пишет Пушкин, «соблазнительное происшествие». Подробности не сообщаются². 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге имело место восстание декабристов. Если бы сложная цепь неожиданностей и случайностей, начавшаяся внезапной смертью Александра I и завершившаяся «переприсягой» уже отказавшегося от престола Николая Павловича, история России сложилась бы иначе, что и имел в виду поэт, говоря о сближениях.

Меня, однако, не занимает ни вопрос о сложном отношении Пушкина к восстанию, ни его историософские взгляды. Мне хотелось бы рассмотреть *Графа Нулина* с той самой стороны, с какой смотрел на поэму сам поэт. Что представляет собой пародия на историю и на Шекспира, о которой он писал в своей заметке, как художественное творение? Насколько искусен и оригинален Пушкин в роли пародиста римской историографии и автора *Гамлета*?

Не подлежит сомнению, что обращаясь к теме несчастной Лукреции, опозоренной младшим сыном царя Тарквиния Гордого Секстом Тарквинием, как Шекспир, так и Пушкин выступали в роли авторов, знавших первоисточник – конец 57-ой и 58-ую главу первой книги *Истории Рима от основания города*, написанной Титом Ливием между 27 и 25 годами до н. э. Ее автор так описывает события 509 г. до н. э.: однажды патриции, среди которых был муж Лукреции Спурий Коллатин и двое сыновей царя Тарквиния Гордого, изрядно напившись, поспорили о том, чья из их жен лучше всех. Спорщики сошлись во мнении, что самой верной и благонравной из жен была Лукреция. Почтенные мужи тут же решили проверить, так ли это на самом деле, и отправились к Спурию домой. Далее римский историограф излагает события следующим образом:

[...] Приехавшие муж и Тарквиний находят радушный прием: победивший в споре супруг дружески приглашает к себе царских сыновей. Тут-то и охватывает Секста Тарквиния грязное желанье насилем обесчестить Лукрецию. И красота возбуждает его, и несомненная добродетель. Но пока что, после ночного своего развлечения, молодежь возвращается в лагерь.

Несколько дней спустя тайне от Коллатина Секст Тарквиний с единственным спутником прибыл в Коллатию. Он был радушно принят не подозревавшими о его замыслах

¹ А. С. Пушкин, *Записка о «Графе Нулине»*, [в:] А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в десяти томах*, т. VII, Москва – Ленинград 1949, с. 226.

² [Б. В. Томашевский], *Примечания*, [в:] А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений...*, т. VII, с. 694.

хозяевами; после обеда его проводили в спальню для гостей, но, едва показалось ему, что вокруг достаточно тихо и все спят, он, распаленный страстью, входит с обнаженным мечом к спящей Лукреции и, придавив ее грудь левой рукой, говорит: «Молчи, Лукреция, я Секст Тарквиний, в руке моей меч, умрешь, если крикнешь». В трепете освобождаясь от сна, женщина видит: помощи нет, рядом – грозящая смерть; а Тарквиний начинает объясняться в любви, уговаривать, с мольбами мешая угрозы, со всех сторон ищет доступа в женскую душу. Видя, что Лукреция непреклонна, что ее не поколебать даже страхом смерти, он, чтобы устроить ее еще сильнее, пригрозил ей позором: к ней-де, мертвой, в постель он подбросит, прирезав, нагого раба – пусть говорят, что она убита в грязном прелюбодеянии. *Этой ужасной угрозой он одолел ее непреклонное целомудрие. Похоть как будто бы одержала верх, и Тарквиний вышел, упоенный победой над женской честью.* Лукреция, сокрушенная горем, посылает вестников в Рим к отцу и в Ардею к мужу, чтобы прибыли с немногими верными друзьями: есть нужда в них, пусть поторопятся, случилось страшное дело. Спурий Лукреций прибывает с Публием Валерием, сыном Волезия, Коллатин – с Луцием Юнием Брутом – случайно вместе с ним возвращался он в Рим, когда был встречен вестником. Лукрецию они застают в спальне, сокрушенную горем. При виде своих на глазах женщины выступают слезы; на вопрос мужа: «Хорошо ли живешь?» – она отвечает: «Как нельзя хуже. *Что хорошего остается в женщине с потерей целомудрия? Следы чужого мужчины на ложе твоём, Коллатин; впрочем, тело одно подверглось позору – душа невинна, да будет мне свидетелем смерть.* Но поклянитесь друг другу, что не останется прелюбодей без возмездия. Секст Тарквиний – вот кто прошлой ночью вошел гостем, а оказался врагом; вооруженный, насильем похитил он здесь гибельную для меня, но и для него – если вы мужчины – усладу». Все по порядку клянутся, утешают отчаявшуюся, отводя обвинение от жертвы насилия, обвиняя преступника: грешит мысль – не тело, у кого не было умысла, нету на том и вины. «Вам, – отвечает она, – рассудить, что причитается ему, а себя я, *хоть в грехе не виню, от кары не освобождаю; и пусть никакой распутнице пример. Лукреции не сохранит жизни!*». Под одеждою у нее был спрятан нож, вонзив его себе в сердце, налегает она на нож и падает мертвой³.

Тит Ливий лаконичен, но не бесстрастен. Патетика повествования усиливается при описании чрезвычайных событий и действий или высказываний героев. Налицо трагическая ситуация, в которой высшая сила заставляет героиню сначала совершить безнравственный поступок – уступить Тарквинию, а затем покончить с собой, искупая свою трагическую вину. Эта высшая сила – сугубая патриархальная мораль и аксиологическая модель мира, в которой честь ценится превыше всего, гораздо выше собственной или чужой жизни:

Quo terrore cum vicisset obstinatum pudicitiam velut vi trux libido profectusque inde Tarquinius ferox expugnato decore muliebri esset [...]
[...] 'quid enim salvi est mulieri amissa pudicitia? vestigia viri alieni, Colatine, in lesto sunt tuo; ceterum corpus est tantum violatum, animus insons; mors testis erit [...]

³ Тит Ливий, *История Рима от основания города*, т. I, пер. В. М. Смирнова, ред. перевода М. Л. Гаспаров и Г. С. Кнабе, отв. ред. Е. С. Голубцова, Москва 1989, с. 62–63. Курсив мой. – W. S. Курсивом выделены фрагменты, приведенные далее в оригинале.

[...] ego me etsi peccato absolvere, supplicio non libero; nec ulla deinde inpudica Lucretiae exemplo vivet'. cultum, quem sub veste abditum habebat, eum in corde deigit prolapsaque in vulnus moribunda cecidit⁴.

Причиной преступления Тарквиния также становится не его сознательная воля, а как бы внешняя по отношению к нему сила – либидо, «грязное желание»: «Ibi Sex. Tarquinius mala libido Lucretiae per vim stuprandae capit; cum forma tum spectata castitas incitat»⁵. Таким образом, схема поведения героев и представленная коллизия оказывается предельно простой, однозначной, а главное, серьезной: столкновение дикой страсти и безукоризненной, самоотверженной честности порождает цепь событий, приводящих к важным историческим сдвигам.

Ситуация, в которой оказывается героиня поэмы Шекспира *Лукреция* (*The Rape of Lucrece*, в дословном переводе *Насилие над Лукрецией*, 1594), не менее трагична, чем та, что изображена Титом Ливием, и ведет она себя, пожалуй, еще патетичнее и достойнее. Однако в отличие от первоисточника рассказ английского поэта, при его немалой художественной выразительности, вовсе не отличается лаконичностью и, быть может, поэтому склонный к лапидарности Пушкин назвал поэму довольно слабой. В воображении Шекспира роковая ночь предстает в мельчайших деталях, благодаря чему и «страсть роковая», овладевшая Тарквинием, и страдания Лукреции, можно представить себе воочию, во всем блеске трагического величия. Автора поэмы в первую очередь интересует борьба страстей и живая переменчивость чувств во внутреннем мире героев. Его можно было бы назвать предшественником тостовской «диалектики души», если бы не то, что изображаемая им битва на границе добра и зла более напоминает *Преступление и наказание* или *Бесы*. «Знаю я сердце человеческое или нет?» – этот риторический вопрос Достоевского вполне мог бы задать и Шекспир. Об этом свидетельствуют следующие фрагменты:

Haply that name of chaste unhapp'ly set
This bateless edge on his keen appetite;
When Collatine unwisely did not let
To praise the clear unmatched red and white
Which triumph'd in that sky of his delight,
Where mortal stars, as bright as heaven's beauties,
With pure aspects did him peculiar duties [...].

When at Collatium this false lord arriv'd,
Well was he welcom'd by the Roman dame,
Within whose face beauty and virtue striv'd
Which of them both should underprop her fame:

⁴ *Titi Livi Ab Urbe condita libri*, editionem primam curavit Guilelmus Weissenborn. Editio altera, quam curavit Mauritius Müller, pars I, lib. I–VI, Lipsiae MCMX, p. 65–66. Процитирован второй, третий и четвертый выделенный фрагмент.

⁵ *Titi Livi Ab Urbe condita libri...*, p. 65. Процитирован первый выделенный фрагмент.

When virtue bragg'd, beauty would blush for shame;
When beauty boasted blushes, in despite
Virtue would stain that or with silver white⁶.

Если Шекспир пишет не комедию, он всегда торжественен и величав, а герои его поэмы как бы передвигаются по воображаемой сцене на котурнах. В свое время Лев Толстой решительно отверг эту театральность в своем трактате *О Шекспире и драме* (1903–1904). Но Пушкин к зиме 1825 года только что закончил *Бориса Годунова*, написанного в подражание историческим хроникам Шекспира, а героям этой «народной комедии» трагическая величавость свойственна не меньше, чем Лукреции и Тарквинию. При всей универсальности таланта автора *Годунова* отличала от других классиков мировой литературы одна совершенно неповторимая черта – страсть к альтернативным путям и решениям. Она выражалась в упрямом желании по-своему переписать общеизвестные мифы, книги или рассказы об исторических событиях, лежащие в основе европейской культурной памяти. Впрочем, он с удовольствием переделывал по-своему не только Библию (в *Евгении Онегине*)⁷, не только заставлял русских самодержцев вести себя «по-пушкински» (в стихотворении *Пир Петра Первого* или в *Капитанской дочке*)⁸, но и не гнушался «исправлять» собственных знакомых – Карамзина или Жуковского в *Барышне-крестьянке* или *Метели*.

Подобное желание привело к созданию *Графа Нулина*. Альтернативный ход был задан пушкинским вопросом: «что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию?» Вероятно, тогда верная жена не только защитила бы свою честь, не только опозорила бы дерзкого юношу – она бы его высмеяла. История пошла бы иным путем, а Шекспир не смог бы написать свою выпендренно-трагическую поэму. А что бы он мог написать? – Попробуем вообразить. «Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась, я не мог воспротивиться двойному искушению»...

⁶ W. Shakespeare, *The Rape of Lucrece*, www.gutenberg.org/cache/epub/1505/pg1505.html (режим доступа 14. 07. 2014).

⁷ В. Н. Турбин, *Пушкин. Гоголь. Лермонтов. Об изучении литературных жанров*, Москва 1978, с. 199–203. Автор книги впервые обратил внимание на то, что *Евгений Онегин* полон реминисценций из античной мифологии и Библии. В частности, отказ Татьяны стать любовницей Онегина является, по мнению В. Н. Турбина, альтернативной версией мифа о первом искушении и первом грехе.

⁸ Петр I в позднем стихотворении Пушкина «...с подданным мирится; / Виноватому вину отпуская, веселится; / Кружку пенит с ним одну; И в чело его целует» (А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений*..., т. III, с. 350), что никак не соответствует хотя бы тому, что мог прочитать поэт в царских архивах. Именно такой, по-пушкински добродушный Петр предлагается Николаю I в качестве образца для подражания. В *Капитанской дочке* применен поистине гениальный по своей смелости сюжетный ход: Екатерина II не умом, но сердцем женщины, которая любила, решает помочь другой любящей женщине – Маше Мироновой и помогает ей соединиться с возлюбленным, тем самым повторяя благородный поступок своего врага – Емельяна Пугачева.

Удивительное дело, но в течение едва ли не двух столетий изучения творчества Пушкина никому из пушкинистов не пришло в голову провести анализ *Графа Нулина* не только как шутильной поэмы, но и как пародии. Тем временем нельзя не заметить множества фрагментов, в которых русский поэт травестирует текст Шекспира, сильно сокращая его и переписывая на сниженно-бытовой и веселый лад. Вместо вдохновенно-напыщенных монологов Лукреции и Тарквиния в начале пушкинской поэмы звучит знаковая фраза: «Шла баба через грязный двор / Белье повесить на забор»⁹. Именно такую картину, вкупе с сереньким утром, деревенскими мальчишками, утками в луже и мокрым петухом, наблюдала в окно новоржевская Лукреция. Комично само появление графа с его парижским прононсом и салонными манерами на фоне такого антуража. Однако Пушкин идет дальше: пародия так пародия, и на Тита Ливия, и на Шекспира.

Перед походом в спальню Лукреции шекспировский Тарквиний вспоминает о том, как эта верная супруга пожалала ему руку, когда услышала, что ее муж жив и здоров:

Quoth he, 'She took me kindly by the hand,
And gaz'd for tidings in my eager eyes,
Fearing some hard news from the warlike band,
Where her beloved Collatinus lies.
O how her fear did make her colour rise!
First red as roses that on lawn we lay,
Then white as lawn, the roses took away.

'And how her hand, in my hand being lock'd,
Forc'd it to tremble with her loyal fear;
Which struck her sad, and then it faster rock'd [...]'¹⁰.

Любопытно, что Шекспир вообще не описывает момента пожатия руки: он появляется лишь в воспоминаниях Тарквиния, потому что в «серьезной» психологической поэме мысли и чувства героя важнее хода реальных событий. Не таков Пушкин:

«Пора, прощайте: ждут постели.
Приятный сон»... С досадой встав,
Полувлюбленный, нежный граф
Целует руку ей – и что же?
Куда кокетство не ведет?
Проказница – прости ей, Боже! –
Тихонько графу руку жмет¹¹.

И только на две с лишним страницы позже, когда страсть обуяла Нулина, как шекспировского героя, в постели:

⁹ А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений*..., т. IV, с. 239.

¹⁰ W. Shakespeare, *The Rape of Lucrece*... (режим доступа 17. 07. 2014).

¹¹ А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений*..., т. IV, с. 242.

Он помнит кончик ножки нежной,
Он помнит: точно, точно так!
Она ему рукой небрежной
Пожала руку; он дурак,
Он должен был остаться с нею –
Ловить минутную затею.
Но время не ушло. Теперь
Отворена конечно дверь...
И тотчас, на плеча накинув
Свой пестрый шелковый халат
И стул в потемках опрокинув,
В надежде сладостных наград,
К Лукреции Тарквиний новый
Отправился на всё готовый¹².

Здесь всё пародия: «кончик ножки» вместо тревожного взора, халат вместо меча, факела и доспехов, да опрокинутый стул, да еще этот «дурак»... «Грех один»¹³, как говорил герой Зощенко Назар Ильич господин Синеврюхов.

Пушкин и далее следует по следам текста Шекспира, но решительно сокращает его, меняет местами фрагменты, семантически переосмысляет образы. Вот, к примеру, как «перекодировано» шекспировское сравнение Тарквиния с котом, который гонится за мышью:

Шекспир:

Yet, foul night-working cat, he doth but dally,
While in his hold-fast foot the weak mouse panteth;
Her sad behaviour feeds his vulture folly,
A swallowing gulf that even in plenty wanteth:
His ear her prayers admits, but his heart granteth
No penetrable entrance to her plaining:
Tears harden lust, though marble wear with raining¹⁴.

Пушкин:

Так иногда лукавый кот,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется с лежанки:
Украдкой, медленно идет,
Полужажмурясь подступает,
Свернется в ком, хвостом играет,
Разинет когти хитрых лап
И вдруг бедняжку цап-царап¹⁵.

Глагол *крадется* появляется у Шекспира гораздо раньше, чем сравнение с котом: Тарквиний «крадется» (stalks) к постели Лукреции, а с котом он сравнивается в тот момент, когда ведет психологическую игру, уговаривая Лукрецию отдалиться. У Пушкина граф именно крадется, подобно коту, и по темному коридору, и в самой спальне, что выглядит весьма комично. Весь этот фрагмент занимает всего пятнадцать строк. Зато как всё ощутимо, как пластически достоверно!

¹² Там же, с. 244.

¹³ М. Зощенко, *Избранное в двух томах*, т. 1: *Рассказы и фельетоны. Повести*, вступ. ст. Л. Ершова, сост. И. Исакович, Минск 1983, с. 104, 105.

¹⁴ W. Shakespeare, *The Rape of Lucrece*... (режим доступа 17. 07. 2014).

¹⁵ А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений*..., т. IV, с. 244–245.

Влюбленный граф в потемках бродит
 Дорогу ощупью находит.
 Желанием пламенным томим,
 Едва дыханье переводит –
 Трепещет, если пол под ним
 Вдруг заскрыпит. Вот он подходит
 К заветной двери и слегка
 Жмет ручку медного замка;
 Дверь тихо, тихо уступает...
 Он смотрит: лампа чуть горит
 И бледно спальню освещает,
 Хозяйка мирно поживает,
 Иль притворяется, что спит.

Он входит, медлит, отступает –
 И вдруг упал к ее ногам¹⁶.

Как помнят читатели, Наталья Павловна, «открыв глаза большие», сначала смутилась, но вскоре опомнилась и дала графу пощечину («Пощечину, да ведь какую!»¹⁷). Читатель же Шекспира вынужден долго ждать развития событий, вбирая в себя одну за другой целых 54 семистрочных строфы. Однако пародия нередко в дословном переводе воспроизводит некоторые слова и выражения: «as each unwilling portal *yields* him way», «but his hot heart, which *fond* desire doth scorch» (у Пушкина «лампа *чуть горит*»), «into the chamber wickedly he *stalks*», «and fright her with confusion of their *cries*» (у Пушкина – о Нулине, который не может заснуть: «несносный жар его объемлет»)¹⁸. Но автор *Графа Нулина* применяет и более тонкий и сложный способ пародирования – суггестивную отсылку к первичному тексту, понятную лишь для тех, кто хорошо знает шекспировскую *Лукрецию*:

Шекспир:

Which gives the watch-word to his hand full soon
 To draw the cloud that hides the silver moon¹⁹.

Пушкин:

И дерзновенною рукой
 Коснуться хочет одеяла²⁰.

Английский гений сравнивает одеяло с облаком, молодую женщину с луной, и это прекрасно. Русский же поэт называет одеяло одеялом, а руку соблазнителя возвышенно – «дерзновенною». Но сколько милой, насмешливой иронии в этой возвышенности в соседстве с прозаическим одеялом!

Финал *Графа Нулина* может по достоинству занять почетное место среди многочисленных смехотворных «приколов» эпохи постмодернизма. Пушкин

¹⁶ Там же, с. 245.

¹⁷ Там же, с. 246.

¹⁸ W. Shakespeare, *The Rape of Lucrece*... (режим доступа 17. 07. 2014).

¹⁹ W. Shakespeare, *The Rape of Lucrece*... (режим доступа 17. 07. 2014).

²⁰ А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений*..., т. IV, с. 245.

как бы говорит своим читателям: «А теперь посмотрите, какова на самом деле Лукреция нашего времени» – а дальше *sapienti sat*:

Но кто же более всего
С Натальей Павловной смеялся?
Не угадать вам. Почему ж?
Муж? – Как не так! совсем не муж.
Он очень этим оскорблялся,
Он говорил, что граф дурак,
Молокосос; что если так,
То графа он визжать заставит,
Что псами он его затравит.
Смеялся Лидин, их сосед,
Помещик двадцати трех лет.

Теперь мы можем справедливо
Сказать, что в наши времена
Супругу верная жена,
Друзья мои, совсем не диво²¹.

Автор пародии на историю и на Шекспира выполняет сверхзадачу: он самым остроумным образом деконструирует старый миф о верной жене, подвергнувшейся ночному нашествию, выдвигая при этом глубокую мысль об относительности трагической серьезности. О мире, о людях, об истории можно писать и так, как написан *Борис Годунов*, и так, как написан *Граф Нулин*. Обе наррации равноценны по своему художественному значению.

Подведем некоторые итоги.

Сюжетный мотив ночного посетителя, охваченного неукротимой страстью, так же стар, как изящная словесность. В Книге Бытия распаленный желанием Иаков в темноте ночи не заметил, что его обманули, подменив возлюбленную Рахиль некрасивой Лией. Такой же темной ночью Юдифь сначала соблазняет Олоферна, а затем убивает его, чтобы спасти город от нашествия. Клавдий убивает отца Гамлета такой же темной ночью, во сне. Ночные посетители приходят по разным причинам, они преследуют разные цели, но в любом случае после их посещений жизнь коренным образом меняется.

Пушкин первым нарушил эту мифологическую традицию, представив ночного посетителя женской спальни в смешном виде. Отныне можно было писать иначе, не впадая в тон Библии, Тита Ливия или Шекспира. А посему в 1886 году Чехов написал святочный рассказ *То была она!* про то, как некий полковник ехал в ночь под Рождество из города Ченстохова в деревню Шевёлки и как во время ночлега в имении графа Боядловского к нему в спальню пришло привидение, распалившее его страсть и оказавшееся его собственной женою. По словам главного героя, в эту ночь он был «пьян, как

²¹ Там же, с. 248.

сорок тысяч сапожников»²². Это выражение не что иное, как «юмористическая перефразировка слов Гамлета»²³. У Шекспира принц датский любит Офелию и готов поклясться, что «сорок тысяч братьев и вся любовь их – не чета моей»²⁴.

²² А. П. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах*, т. 5, Москва 1976, с. 483.

²³ В. М. Родионова, *Примечания*, [в:] А. П. Чехов, *Полное собрание сочинений...*, т. 5, Москва 1976, с. 677.

²⁴ В. Шекспир, *Гамлет*, пер. с англ. Б. Пастернака, [в:] В. Шекспир, *Трагедии. Сонеты*, Москва 1968, с. 231.